

Цзэн Пу

**Библиотека китайской
литературы**

Цветы зла

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84

Цзэн Пу

Библиотека китайской литературы: Цветы зла / Цзэн Пу – М.: Книга по Требованию, 2022. – 480 с.

ISBN 978-5-458-42862-0

Перед нами известный в Китае роман, написанный в начале XX века. К тому времени в стране уже два с половиной столетия властвовала династия Цин, основанная северным племенем маньчжуров, которых китайский народ по-прежнему воспринимал как иноземцев. За время своего правления маньчжуры лишь усилили феодальный гнет. Кроме того, в XIX веке страну начали осаждают европейские, американские, японские колонизаторы, что привело к так называемым опиумным войнам, тайнинскому восстанию, франко-китайской и японо-китайским войнам, боксерскому восстанию и многим другим потрясениям. На рубеже веков в Китае возникло реформаторское, а затем и революционное движение, отчасти вдохновленное опытом освободительной борьбы в России. Первые китайские революционеры под руководством Сунь Ятсена нередко пускали стрелы в маньчжурский режим из эмиграции, где цензурные условия, конечно, были легче. Но до сих пор достойна удивления дерзость, с какой в 1905 году, перед самым образованием суньятсеновского Объединенного союза, небольшое издательство «Лес прозы» («Сяошо линь»), находившееся внутри Китая, начало издание за изданием публиковать роман, в котором прославлялись реформаторы и революционеры, ставились животрепещущие проблемы времени. Действие «Цветов в море зла» происходит в небывалом для китайской литературы числе стран — Китае, Германии, России и Японии. Попутно привлекается материал из истории освободительного движения Кореи и Вьетнама. Все это в сочетании с художественными достоинствами принесло роману Цзэн Пу редкую для того времени популярность: его первые двадцать глав за два года были изданы пятнадцать раз, общим тиражом пятьдесят тысяч экземпляров.

ISBN 978-5-458-42862-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЦВЕТЫ И СОРНЯКИ

Перед нами известный в Китае роман, написанный в начале XX века. К тому времени в стране уже два с половиной столетия властвовала династия Цин, основанная северным племенем маньчжуров, которых китайский народ по-прежнему воспринимал как иноземцев. За время своего правления маньчжуры лишь усилили феодальный гнет. Кроме того, в XIX веке страну начали осаждают европейские, американские, японские колонизаторы, что привело к так называемым опиумным войнам, тайнинскому восстанию, франко-китайской и японо-китайским войнам, боксерскому восстанию и многим другим потрясениям. На рубеже веков в Китае возникло реформаторское, а затем и революционное движение, отчасти вдохновленное опытом освободительной борьбы в России.

Первые китайские революционеры под руководством Сунь Ятсена нередко пускали стрелы в маньчжурский режим из эмиграции, где цензурные условия, конечно, были легче. Но до сих пор достойна удивления дерзость, с какой в 1905 году, перед самым образованием суньятсеновского Объединенного союза, небольшое издательство «Лес прозы» («Сяошо линь»), находившееся внутри Китая, начало издание за изданием публиковать роман, в котором прославлялись реформаторы и революционеры, ставились животрепещущие проблемы времени. Действие «Цветов в море зла» происходит в небывалом для китайской литературы числе стран — Китае, Германии, России и Японии. Попутно привлекается материал из истории освободительного движения Кореи и Вьетнама. Все это в сочетании с художественными достоинствами принесло роману Цзэн Пу редкую для того времени популярность: его первые двадцать глав за два года были изданы пятнадцать раз, общим тиражом пятьдесят тысяч экземпляров.

Такой теплый прием, естественно, вдохновил автора. В 1907 году, когда от издательства «Лес прозы» отпочковался одноименный журнал, Цзэн Пу опубликовал в нем еще пять глав повествования. Однако дальнейшая работа над романом по разным причинам задержалась. К своему главному детищу писатель вернулся лишь через двадцать лет, начав издавать журнал «Правда, красота и добро» («Чжэнь мэи шань»). В нем в 1928—1930 годах были опубликованы последующие десять глав, с двадцать шестой по тридцать пятую. Вскоре Цзэн Пу переработал текст и выпустил роман отдельной книгой в тридцати главах. С этого издания, последнего из вышедших при жизни автора, осуществлен русский перевод произведения.

Цзэн Пу родился в 1871 году в уезде Чаншун провинции Цзянсу недалеко от Шанхая. Его отец был ученым и уготовил для сына такую же карьеру. Юноша не протестовал против этого, но тайком читал новеллы, романы, считавшиеся в Китае простонародной литературой, упражнялся в ритмической прозе. Познакомившись с одним из сочинений сына, отец пришел в восхищение и не стал браниться. С тех пор Цзэн Пу поверил в свой писательский талант.

Тогда же юноша впервые узнал любовь, которую он пронес через всю жизнь и впоследствии изобразил в первой части романа «Мужчина». К его чувству старшие отнеслись более деспотично, чем к литературным опытам. В дневнике молодого Цзэн Пу появилась следующая запись: «Теперь мне нечего было ждать от жизни. Оставалось только утешать себя развратом... Если бы отец не отослал меня в Пекин для сдачи экзаменов на ученую степень, не знаю, до чего бы я дошел».

К восемнадцати годам юноша уже был автором сборника стихотворений на древнем языке, а также обладателем степени сюаця, соответствующей европейскому бакалавру. В 1891 году Цзэн Пу получил степень цзюйжэня (магистра), однако все больше тяготился схоластической конфуцианской наукой. Во время экзаменов на высшую степень цзиньини (доктора) он допустил намеренную ошибку, оказался вне круга победителей, но отец, мечтавший видеть его сановником, в 1892 году купил сыну должность письмоводителя Внутренней канцелярии, ведавшей документацией и архивом императорского двора. Этот эпизод из жизни Цзэн Пу сатирически переосмыслен в тринадцатой главе «Цветов в море зла».

За два-три года, проведенных в столице, Цзэн Пу познакомился со многими государственными деятелями и учеными: Вэн Гунхэ, Вэнь Тинши, Ли Вэньтянем, Цзян Бяо, Хун Цзю-

нем, которые занимали сравнительно либеральную позицию в политике, проявляли интерес к истории, археологии и географии, в частности, к «варварскому» северо-западному Китаю. Сам Цзэн Пу тоже напечатал ряд работ о китайских окраинах.

Как и другие литераторы конца XIX — начала XX века, Цзэн Пу по-настоящему ощутил слабость своей страны во время японо-китайской войны 1894—1895 годов. Подобно герою «Цветов в море зла» Цзинь Вэньцину, он понял, что человек, оторванный от проблем современной жизни, не может принести пользу родине. Но совершенный им шаг был гораздо смелее, чем у Цзинь Вэньцина. Оставив должность, обладатель двух ученых степеней решил вновь стать учеником и в 1895 году поступил на французское отделение Школы переводчиков при правительственной Палате внешних сношений.

Хотя школа была основана еще в 1862 году, китайская интеллигенция, изрядно зараженная национализмом, не жаловала ее своим вниманием. Специальная группа для чиновников, в которую приняли Цзэн Пу, просуществовала всего восемь месяцев. Однако Цзэн продолжал изучать язык и на третий год уже смог прочесть в подлиннике тетралогия «Современная история» Анатolia Франса.

Вскоре после распада группы Цзэн Пу хотел перейти в Палату внешних сношений, однако планам его воспрепятствовал главный экзаменатор, который недолюбливал Вэн Тунхэ, покровителя Цзэн Пу. Впечатлительный молодой человек принял эту историю так близко к сердцу, что тут же уехал в Шанхай, решив навсегда оставить мысль о государственной службе. Обстоятельства жизни свели его на юге с реформаторами Тань Сытуном, Линь Сюем, Тан Цайчаном и другими, которые ратовали за давно назревшие преобразования в общественной и культурной жизни Китая. Это движение положило начало «ста дням реформ» 1898 года, когда под покровительством молодого либерального императора Гуансюя реформаторы попытались осуществить свою программу. Конец реформам положил реакционный переворот вдовствующей императрицы Цыси, тетки Гуансюя, которая отстранила молодого императора от власти и заточила на островке в дворцовом парке.

Реформаторы свели Цзэн Пу с генералом Чэнь Цзитунном — судостроителем, знатоком французской литературы и популяризатором китайской культуры во Франции. Женатый на француженке, Чэнь Цзитун с 1886 по 1891 год служил секретарем китайского посольства в Париже. Там он выпустил книги о китайском театре, о быте и социальной структуре Китая, переводы китайских сказок и пьес. Эти работы получи-

ли известность и даже привлекли внимание Анатоля Франса. Цзэн Пу полагал, что выдающийся европейский писатель был дружен с Чэнь Цзитуном. Франс таких сведений не дает, зато существует его рецензия на собранные Чэнем сказки.

Популяризируя национальную культуру, Чэнь Цзитун в то же время понимал, что она отстала от западной, и с горечью говорил Цзэн Пу о том, что за исключением Вольтера и некоторых синологов европейцы относятся к Китаю презрительно. «Он рассказывал мне о Ренессансе, об отличиях классицизма от романтизма, о натурализме, символизме и других свободно развивающихся течениях нового времени, давал мне читать множество европейских книг», — вспоминал Цзэн Пу. Среди этих книг были произведения Рабле, Ронсара, Монтеня, Расина, Мольера, Буало, Вольтера, Руссо, Гюго, Виньи, отца и сына Дюма, Флобера, Золя, Мопассана, Тэна, Франса, Лоти, французские переводы из итальянских, испанских, английских и немецких авторов. Все это Цзэн Пу проглотил за три-четыре года, даже заболел от перенапряжения. Итак, в годы создания своего центрального романа писатель уже был знаком с самыми разными течениями европейской литературы.

Принять участие в столичных «ста дней реформ» Цзэн Пу помешал традиционный трехлетний траур по отцу (1897—1899). Однако на родине, куда ему пришлось вернуться, он, вопреки сопротивлению консерваторов, открыл начальную школу, поселил у себя преподавателя-японца, организовал курсы японского языка и сам изучал его наравне со студентами. Менее активными оказались следующие два-три года (1899—1902), когда Цзэн Пу был прикован болезнью к постели. Впрочем, для литературных занятий, особенно переводов с французского, это обстоятельство, по-видимому, сыграло положительную роль.

Едва оправившись от болезни, Цзэн Пу попробовал свои силы в шелковом производстве, но не выдержал иностранной конкуренции. Через год (1904) он вместе с земляками основал более успешное предприятие — издательство «Лес прозы», а затем (1907) и одноименный журнал. Если главным редактором издательства был сравнительно умеренный литератор Сюй Няньцы, то в редакцию журнала вошел революционный публицист и поэт Хуан Жэнь. Сотрудничали с редакцией известные переводчики Бао Гунни и Чэнь Цзялинь, а также близкий к революционерам драматург У Мэй. Важной вехой в деятельности издательства и журнала была публикация «Цветов в море зла».

Кроме пяти глав романа, Цзэн Пу опубликовал в журнале незаконченный перевод «Королевы Марго» и подробную «Био-

графию Дюма-отца». Ему же, видимо, принадлежали небольшие заметки о Дюма и Гюго. Интересна информация о выходе народных рассказов Л. Толстого, которого Цзэн Пу вполне определенно называет великим. Уже одна эта последовательность имен европейских писателей очень характерна: от приключенческих произведений Дюма к романтике Гюго и далее к реализму Толстого. Однако полного перехода к реализму Цзэн Пу не совершает даже в своих переводах. Впоследствии он как бы сознательно задерживается на середине — на Гюго.

Замысел и фабулу главного произведения своей жизни Цзэн Пу позаимствовал у известного поэта Фань Цзэнсяна, который в 1899—1900 годах опубликовал первую часть написанной им «Поэмы о Цайюнь». Сюжет ее почти целиком совпадает с последующим романом Цзэн Пу. Пожилой ученый, прельстившийся юной гетерой, взял ее в наложницы, а затем, став дипломатом, повез за океан. В Европе и на родине наложница пользуется шумным успехом, вступает в многочисленные любовные связи и словно бы мстит мужу за ту женщину, которую он обрек когда-то на самоубийство.

В начале XX века теми же фактами заинтересовался революционер Цзинь И, который нередко подписывался псевдонимом Ревнитель свободы. Он сотрудничал в журнале известного реформатора Лян Цичао «Новая проза», в революционном «Вестнике национального достоинства» и журнале «Цзянсу», который был таким же печатным органом китайских студентов в Японии, как «Прибой Чжэцзяна», где начал печататься молодой Лу Синь. В 1903 году Цзинь И сам стал издавать журнал «Зеркало для женщин», ратуя за женскую эмансипацию, в следующем году выпустил перевод произведения японского революционера Миядзаки Торадзо «Тридцатитрехлетний сон» (о деятельности Сунь Ятсена) и книгу «Кровь свободы», которая тоже использовала японский материал и представляла собой историю русского освободительного движения от декабристов до эсеров. Здесь едва ли не впервые на китайском языке рассказывалось о деятельности Герцена, Тургенева, Чернышевского, Бакунина, Софьи Перовской, народницы Геси Гельфман, названной Гофман (как и у Цзэн Пу, сохранившего эту фамилию в своем повествовании). Отсюда можно заключить, что сведения о революционерах, особенно иностранных, Цзэн Пу почерпнул в значительной мере из переводов Цзинь И.

В журнале «Цзянсу» Цзинь И опубликовал две главы своего произведения, которому дал название «Цветы в море зла» (октябрь 1903 года). Через год он послал их в Шанхай, издательству «Лес прозы», вместе с еще четырьмя главами, среди которых был и отрывок о сторонниках Сунь Ятсена. Цзэн Пу заинтересовался присланным, однако рекомендовал теснее связать историю ученого и гетеры с политическими событиями. Кроме того, художественный уровень этой прозы, с его точки зрения, оставлял желать лучшего. Цзинь И оказался самокритичным и попросил Цзэн Пу взять роман на себя.

Составленный Цзэн Пу план романа предусматривал довести повествование до событий 1900 года, когда вспыхнуло боксерское восстание и войска восьми держав, под предлогом его подавления, вторглись в Пекин. В то время гетера Сай Цзиньхуа (выступающая в романе под именем Фу Цайюнь) стала фавориткой командующего «союзной армией» Вальдерзее и спасла многих соотечественников. В дальнейшем писатель намеревался показать победу грядущей революции. Полностью замысел этот не был осуществлен, однако в пределах описываемых двух десятилетий до реформ 1898 года Цзэн Пу создал широкую картину жизни, обрисовал большое число своих современников.

В романе свыше двухсот персонажей, почти все они — реальные исторические лица, как правило, наделенные вымышленными именами. Скажем, ученый Хун Цзюнь назван Цзинь Вэньцином, под именем князя Сурового (диктатора Севера) выведен наместник столичной провинции Ли Хунчжан, за министром Гун Пином скрывается либеральный сановник Вэн Тунхэ, в Хэ Тайчжэне можно узнать «генерала, пробежавшего весь Ляодун», — печально знаменитого У Дачэна, который проявил себя большим трусом во время японо-китайской войны. Настоящие имена сохранены только за некоторыми второстепенными героями.

В центре романа — пятеро друзей, сдававших государственные экзамены: Цзинь Вэньцин, Цянь Дуаньминь, Лу Жэньсян, Хэ Тайчжэнь и Цао Ибяо; они постепенно, кроме провалившегося Цао Ибяо, становятся видными чиновниками. Наиболее интересен из них Цзинь Вэньцин, прообразом которого послужил известный ученый Хун Цзюнь (1840—1893), названный брат отца Цзэн Пу. Как и герой романа, Хун Цзюнь занял первое место на дворцовых экзаменах, затем стал подниматься по чиновной лестнице, но в 1884 году был вынужден оставить службу из-за смерти матери. По окончании трехлетнего траура он отправился посланником в Россию, Германию, Австрию и Голландию, взяв с собой молодую наложницу.

В 1890 году вернулся на родину, где его сделали помощником военного министра (едва ли не единственный факт, не нашедший отражения в романе) и ввели в Палату внешних сношений.

Во время пребывания в Европе Хун Цзюнь раздобыл иностранную карту Памира, которая в 1890 году была издана в Китае в виде атласа. Кроме того, Хун Цзюнь известен трудами по истории эпохи Юань (XIII—XIV века). Он продолжил дело Гун Цзычжэня, Вэй Юаня и других китайских просветителей начала XIX века, питавших интерес к северным народам. В то же время в Хун Цзюне видны черты появившихся несколько позднее сторонников «европеизации» — тех, кто стремился использовать новые идеи Запада лишь для того, чтобы сохранить старые феодальные устои.

Этот двойственный характер ученого отображен и в романе, но по-своему, с ощутимым креном в область частной жизни, с обличительным заострением и одновременно усложнением образа. Например, увлечение Цзинь Вэньцина историей монголов позволяет высмеять дипломата, который, зарывшись в ученые трактаты, не видит того, что творится у него под носом: любовных походов Цайюнь со слугой Афу и с немецким лейтенантом Вальдерзее. Политическая консервативность героя хорошо подчеркнута сценами, где он с ужасом говорит о русских «нигилистах», то есть о народниках.

Известно, что в 1891 году, во время Памирского инцидента, маньчжурское правительство обвинило Хун Цзюня в неверном составлении атласа, в том, что из-за него Китай якобы потерял полосу шириной в восемьсот ли. Ученый был так потрясен этим вымышленным обстоятельством, что заболел и вскоре умер.

Цзэн Пу использует названные факты для обличения невежественных маньчжурских чиновников (включая Цзинь Вэньцина, который не знал как следует, что он копировал) и обожаемых ими интриг (заместитель начальника Палаты внешних сношений Чжуан Хуаньбин решил таким образом отомстить Цзинь Вэньцину за личную «обиду»). Было бы неверно думать, будто упоминание об этом инциденте в романе дает хоть малейший повод к каким-либо домыслам о пограничном вопросе. Цзэн Пу сам заявил, что китайские дипломаты тогда же «связались с английским и русским правительствами и, опираясь на авторитет Англии, восстановили истинную пограничную линию». Исторические источники также свидетельствуют, что дипломаты маньчжурской империи не обнаружили в решении этого вопроса никакого криминала.

Болезнь и смерть Цзинь Вэньцина автор рисует с большим психологизмом, как человеческую трагедию. Он в известной мере сочувствует увлеченности героя научными исследованиями, его служебной шепетильности, его мучениям из-за «невольной ошибки» с картой. Страдая от измены Цайюнь, Цзинь все-таки прощает ее: любовь одерживает верх над его приверженностью старой морали. В то же время уязвленное самолюбие побуждает его забыть о справедливости: он выгоняет Афу из дома за проступок, которого тот не совершал.

Похожи на Цзинь Вэньцина, хотя и схематичнее обрисованы, его друзья. Цянь Дуаньминь и Цао Ибяо сравнительно либеральны. Цао наряду со схоластическими сочинениями хвалит работы прогрессивных китайских ученых конца XVII — начала XIX веков, а одно из любимых занятий Цянь Дуаньминя — чтение книг антиманьчжурских просветителей XVII века. Лу Жэньсян более консервативен, зауряднее Цянь Дуаньминя (это сказывается в сцене их спора с Цайюнь), но не менее человечен. Если Цянь помогает товарищу уладить досадный инцидент, то Лу Жэньсян пытается лечить больного друга, — правда, без успеха. В последнем случае писатель прибег к грустному юмору, присоединившись к критикам традиционной китайской медицины.

Можно сказать, что каждый из друзей Цзинь Вэньцина является как бы носителем отдельных его качеств: Цянь Дуаньминь образован и умен, Лу Жэньсян консервативен и наивен, Цао Ибяо любвеобилен, Хэ Тайчжэнь самонадеян. Подобное разделение черт, иногда совмещающихся в одном человеке, умело использовалось еще авторами героических китайских романов XIV—XVI веков, но в данном случае приобретает оригинальную «всеорообразную» форму и особенно оправдано, поскольку речь идет о друзьях. Кстати, веер смог получиться только потому, что для него имелся стержень: многосторонний характер Цзинь Вэньцина.

Описанию главного героя не уступает в яркости образ Фу Цайюнь, хотя автор не нарисовал ни трудной юности гетеры, ни ее жизни во время боксерского восстания. Эту задачу выполнил известный драматург Ся Янь в пьесе «Сай Цзиньхуа» (1936).

Некоторые критики жалеют о незавершенности романа, но фактически повествование закончено. Просто из характера реальной гетеры автор взял (может быть, под влиянием французской литературы) не столько ее деловитость, сколько живость, легкомыслие, которые сказываются даже при встре-

чах героини с немецкими монархами. Эти типично женские черты делают образ Цайюнь вполне достоверным.

Иногда устами Цайюнь автор обличает слабости главного героя:

«Ты с утра до вечера, обнявшись со старыми книжками, бормочешь на тарабарском наречии какие-то двуслоги, трехслоги, четырехслоги!.. Накуришь так, что голова раскалывается! А свои прямые дела откладываешь, по неделям к ним не прикасаешься. Не то что пядь китайской земли (Цайюнь высмеивает только что сказанные Цзинь Вэньцином слова), даже если тебя самого унесут, ты и то не заметишь! Выяснишь, как звучали какие-нибудь географические названия во времена династии Юань, ну и что? Прибавится что-нибудь к землям Цинской династии? Не понимаю я этого. Сберег бы лучше деньги для собственных удовольствий!..»

В этих речах различимы и слабости Цайюнь: ее чрезмерное эпикурейство, любовь к деньгам. Иногда гетера способна на заведомо жестокие поступки, как в эпизоде, где она колет ухверткой свою служанку.

Параллельно с жизнеописаниями Цайюнь, Цзинь Вэньцина и его друзей автор повествует о судьбах многочисленных ученых, чиновников, «кандидатов» в ученые или чиновники, простолюдинов. Когда система схоластических государственных экзаменов уже, казалось, была достаточно разоблачена, Цэн Пу неожиданно вернулся к ней. Снедаемый тревогой за судьбу национальной науки, мыслями о превосходстве знаний, идущих с запада, он дал царящей в этой области рутине убедительную отповедь. В одной из первых редакций романа государственные экзамены были названы «самым вредоносным приемом, который использовали самодержцы для оглупления соотечественников».

В отличие от У Цзинцзы — автора знаменитого романа «Неофициальная история конфуцианцев» (XVIII век), Цэн Пу редко показывает мучительный процесс получения степеней, сравнительно мало интересуется злоупотреблениями, царящими в экзаменационной системе, направляя свое основное внимание на повседневную жизнь китайских ученых — их занятия, разговоры, характерные привычки, любовные приключения. Внешне, как заметил один критик, эти ученые не несут в себе мещанского духа чиновников из «Неофициальной истории конфуцианцев», не столь корыстолюбивы, как бюрократы из «Нашего чиновничества» Ли Баоцзя (роман начала XX века), но фактически обладают и тем и другим. В то же время просвещенные беседы и утонченные развлечения героев Цэн Пу по-своему интересны. Обилием подобных

сцен «Цветы в море зла» напоминают «ученые романы» XIX века, однако социальной критики у Цзэн Пу больше.

Писатель обличает не только псевдоученых или чиновников, но и высших правителей. В публицистическом отступлении из первой редакции романа он напал чуть ли не на всех императоров, кроме легендарных Юя и Хуанди, однако из многочисленных зол он выбирал меньшие, поэтому иноземные поработители (монголы, маньчжуры) у него обличаются резче, нежели китайские монархи, а консервативная императрица Цыси — гораздо злее, чем ее либеральный племянник Гуансюй. Устами своих героев Цзэн Пу рассказывает, как Цыси пустила на строительство Летнего дворца деньги, предназначенные для создания флота (это явилось одной из причин поражения Китая в войне с Японией), принимала от своих подданных взятки. Есть в романе и очень опасный для того времени намек на близкие отношения вдовствующей императрицы с главным «евнухом» Лянем: в девятой главе за гипнотизированный слуга вспоминает о развратной средневековой правительнице У Цзэтянь, а гипнотизер пугается вдруг «нежелательных аналогий» и поспешно прекращает свой психологический опыт.

Невидя реакционеров, Цзэн Пу не слишком жаловал и либералов, особенно непоследовательных. Примечательна в этой связи одиннадцатая глава, где воспроизводится беседа «просвещенных» сановников. С одной стороны, их не устраивают консерваторы вроде Лу Жэньсяна, а с другой — чрезмерные радикалы типа Тан Юохя. Им хочется провести такие реформы, которые бы по возможности не меняли старых порядков. Вот почему Цзян Бяо и Мяо Пин, предлагающие половинчатые меры, удостоиваются со стороны министров всяческих похвал.

Конечно, Цзян Бяо не является настоящим сторонником народовластия, о котором он с пафосом говорит. Но автору его сентенции все-таки нужны: и для разоблачения приспособленчества, и для косвенного утверждения прогрессивных общественных идеалов. Не случайно упомянутый отрывок созвучен рассказу русского ученого Бешкова о социалистических теориях на Западе.

В восемнадцатой главе романа Цзэн Пу излагает взгляды известных дипломатов, близкие идеям реформаторов и его собственным воззрениям. Писатель «собирает на беседу» китайских сановников с международным опытом, и те смело высказываются «о том положительном, что есть в иноземных государствах, и о пользе, которую приносит общение между